

„Два состоянія духа„.

Подъ такимъ заглавіемъ въ № 11058 газеты: „L'Echo de Paris“ помѣщена статья академика Рене Базена, въ коей онъ проводитъ любопытную параллель между состояніемъ духа или настроеніемъ по отношенію къ войнѣ у французовъ и нѣмцевъ и находитъ, что французы современные проникнуты воззрѣніями на войну людей XIII вѣка, державшихся воззрѣній и настроеній чисто-христіанскихъ, святоотеческихъ. Въ устахъ современнаго француза это оригинально и потому считаю не лишнимъ познакомить читателей „Епархіальнымъ Вѣдомостей“ съ упомянутой статьей въ русскомъ, почти дословномъ, переводѣ.

„Въ вопросахъ морали хорошо находится въ согласіи людей XIII вѣка. Будучи людьми, они не чужды были погрѣшностей; но они имѣли здоровую и ясную совѣсть. Такъ какъ они изучали и разрѣшали почти всѣ проблемы, какія было нужно, они не могли обойти изслѣдованіемъ и проблемы войны и выяснитъ, когда и какъ, по естественному праву и по христіанской морали, она является законной. Законность войны оборонительной считалась несомнѣнной, не требующей доказательствъ. Но что сказать о войнѣ наступательной? Какъ позволить себѣ вооруженное нападеніе, когда мораль гласитъ, что миръ есть высшее благо? Ученые были озабочены этимъ возраженіемъ и, разсуждая положительно и отнюдь не мечтательно о войнахъ своего времени, какъ о войнахъ Дарія или нашихъ, они постановляли правила и учреждали опредѣленное право (пр. войны). Дѣлая это, они просто резюмировали мысль своего вѣка. Тома Аквинатъ, наприм., для того, чтобы наступательная война была законной, требуетъ три условія: чтобы она была объявлена властью, имѣющею возможность диктовать миръ или войну, чтобы причина войны была справедливая, чтобы была честность намѣреній у того, кто объявляетъ войну, и тутъ, кетати, онъ цитируетъ слѣдующій хорошій текстъ изъ римскаго права, гдѣ основная идея оказывается такою же, какъ ее истолковываетъ и схоластика: „для истиннаго служителя Бога война сама по себѣ есть дѣло мира, когда она не совершается не алчности или по жестокосердію, но по любви

къ миру и съ тою цѣлью, чтобы злые люди оказались не въ состоянїи вредить, а добрые люди снова нашли бы возможность вести радостную жизнь“.

Война въ видахъ высшаго блага мира, война облагороженная своею цѣлью, это совсѣмъ не походить на крики злобы варваровъ.

Тотъ же Тома Аквинать говоритъ впрочемъ: „тѣ кто начинаетъ справедливую войну, конечно домогаются мира; они не стоятъ также противъ мира, если это не тотъ ложный миръ который Господь, „не пришелъ низвести на землю“.

Еще далеко раньше Тома Аквината блаж. Августинъ, который видѣлъ, какъ племена, укрывавшіеся въ огромныхъ лѣсахъ центральной Европы, набросились на Римскую Имперію, провозгласилъ эту законность войны и обязательство вести ее въ духѣ мира. „*Esto bellando pacificus!*“ (Будь миротворцемъ даже и тогда, когда ты долженъ воевать). Я нахожу прекрасными эти слова и этотъ союзъ двухъ принциповъ, которые кажутся совершенно противоположными: насиліе и духъ милосердія къ ближнему.

Народъ имѣетъ право жить свободно, охранять свое добро, которое состоитъ изъ крова и убъжища, защищать меньшую братію, не сносить несправедливостей, выбирать дружественныя связи, бороться противъ тѣхъ, кто оспариваетъ у него его права. Это уже не жизнь, если нѣтъ почета, если миръ не проченъ, если покорность и компромиссы съ желаніями могущественнаго сосѣда становятся привычными, если министрамъ и чиновникамъ приходится отказывать отъ должности, когда они не угодны этому могущественному сосѣду, если дипломатамъ приходится отступать только потому, что канцлеры противника говорятъ свысока.

Отсюда то и совѣты и уловки трусовъ и пацифистовъ, людей болѣе опасныхъ, чѣмъ война, которые, для того, чтобы избѣжать, какъ бы ихъ страна не погибла, можетъ быть, въ борьбѣ осуждаютъ ее дѣйствительно ослабѣвать и рушиться въ показномъ мирѣ. Весь настоящій французскій народъ сохранилъ чувство чести и очень хорошо разбирается, въ часъ, который мы переживаемъ въ персонажахъ политической сцены.

наравнѣ съ этимъ онъ хранить и другую идею, рекомендованную старыми мудрыми наставниками, что война нужна для того, чтобы жить въ мирѣ, чтобы внушать его и тѣмъ, кто его возмущаетъ. Французскій народъ страдаетъ отъ великихъ золъ, но считаетъ это неизбежнымъ для того, чтобы избавиться отъ еще болѣе великихъ несчастій. Мои друзья запасные и ополченцы, когда я ихъ встрѣчалъ на улицѣ передъ отправкой на войну, имѣли на устахъ одно лишь слово и каждый говорить всегда: „такъ надо: пришла моя очередь!“ Это не выражаетъ только повиновенія воинскому закону, но ту истину, что Франція нуждается въ защитѣ и что призывъ имѣетъ законную причину.

Но все таки французскій народъ въ данный моментъ не совсѣмъ обработанъ духомъ побѣды: онъ имѣетъ крупныя дефекты, но онъ не убѣжденъ въ своемъ совершенствѣ, онъ не добивается смущать миръ мира, онъ имѣетъ, конечно, опредѣленный вкусъ къ миру, страхъ не менѣе отчетливый къ тому, что есть бесполезно жестокаго въ войнѣ.

Я не буду искать объясненій этой перемѣны въ настроеніи: я знаю, однако, что опасность пацифизма видна всякому, кто хочетъ ее видѣть.

Германцы сдѣлали изъ войны свою первѣйшую національную промышленность; они ее обоготовили, они ее называютъ культурой и въ ней обожаютъ сами себя, каждый взялъ въ серьезъ девизъ: „Deutschland über alles“ — Германія выше всего, — не только для него, — это было бы выраженіемъ патріотизма, — но для всего мира, который долженъ быть подчиненъ Германіи, ей поклоняться, ей удивляться, передъ ней ступевываться, унижаться, молчать и исчезать. Для того, чтобы это господство продолжалось и крѣпло, всѣ средства хороши во время мира и всѣ во время войны, ни у кого нѣтъ права противъ нея. Она есть право. Тотъ, кто противится ей, совершаетъ преступленіе, оскорбленіе Германіи, которое ни въ какомъ случаѣ непростительно. Примѣръ — Бельгія! Народы, которые, если еще дышутъ роднымъ воздухомъ и ѣдятъ національный хлѣбъ, то дѣлаютъ это только по великодушію Германіи. Таково по преимуществу нѣмецкое самочувствіе, такова идея огромной массы германцевъ, официальное

ученіе, доктрина, столько разъ выраженная, и которую недавно еще одинъ профессоръ Берлинскаго университета резюмировалъ въ слѣдующихъ нѣсколькихъ положеніяхъ, переданныхъ по телеграфу: „На Германію надо смотрѣть, какъ на самое совершенное политическое созданіе, какое исторія когда-нибудь знала. Вильгельмъ II-й всегда былъ миротворцемъ, несмотря на его могущество, которое позволяло ему уничтожить Европу“. Этотъ выпадъ гордости, это обоготвореніе силы въ Германіи—явленіе относительно новое.

Этимъ пристрастіемъ, этой спѣсью, этой материалистической доктриной о сверхчеловѣкѣ, диктующемъ судьбы землѣ и подчиняющемся лишь своимъ собственнымъ законамъ, Германія обязана особенно своимъ философамъ. Она отравлена ученіемъ, гдѣ христіанская идея болѣе уже совершенно не имѣетъ значенія. Она (Герм.) становится жертвой своихъ университетовъ и своей философской культуры.

Вотъ два состоянія духа—совершенно противоположныя. Мірѣ уже въ нихъ разобрался. Человѣчество нейтральныхъ странъ, въ Европѣ и по ту сторону океана, ничего не говоритъ объ ученіи, но оно судить о дѣлахъ. Оно страстно, внимательно слѣдитъ за фазами этой войны, гдѣ, можно сказать со всею справедливостью, борются двѣ цивилизации. Оно изучило депеши дипломатовъ, причины войны, обстоятельства, предшествовавшія объявленію войны и приведшіе къ ней. И мнѣніе нейтральныхъ странъ отворотилось отъ Германіи. Она утрашила всѣхъ своей безчеловѣчной фигурой этого „сверхчеловѣка“. И одинъ изъ главнѣйшихъ журналовъ нашей сосѣдки Швейцаріи, старый журналъ, всегда умѣренный въ своихъ сужденіяхъ, опубликовалъ слѣдующія строки совершеннѣйшей ясности и чистоты: „существенный моральный грѣхъ Германіи былъ вотъ въ чемъ: она содѣлала изъ совѣсти всего человѣчества союзницу своихъ враговъ“.

Съ французскаго перев. и сообщилъ прот. *Вѣрноумдровъ*.